

бойтесь своихъ старшинъ?—сказалъ Вадимъ съ коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха.—Кто мѣшаетъ!—заревѣли пьяные казаки,—кто смѣетъ намъ мѣшать! мы дѣлаемъ, что хотимъ, мы не рабы, чортъ возьми! Убить, да! убить! отомстимъ за нашихъ братьевъ! пойдемте ребята! — И толпа съ воємъ ринулась къ кибиткамъ; несчастный старикъ спалъ на груди своей дочери; онъ вскочился, высунулся... и все понялъ!..

— Чего вы хотите?—сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— А, старый воровъ! старый филинъ!.. мы тебя выучимъ воздушной пляскѣ... пожалуй-ка сюда... Да выходи же!—сказалъ одинъ, подтверждая приказаніе ударомъ плетью.

Старикъ медленно вышелъ изъ кибитки, дочь выпрыгнула вслѣдъ за нимъ, уцѣпилась обѣими руками за его платье. — Не бойся, шепнулъ онъ ей, обнявъ одной рукой,— не бойся... если Богъ не захочетъ, они ничего не могутъ намъ сдѣлать, если же...—онъ отвернулся... О! какъ изобразить выраженіе лица бѣдной дѣвушки! сколько прелесть, сколько отчаянія!

— Разнимите ихъ!—закричалъ одинъ кривой испосинъ, приготавливая петлю,—что они лезутъ!

Ихъ хотѣли растащить, но дѣвушка въ бѣшенствѣ укусила жестокою руку. — Перестань, — сказалъ отецъ твердымъ голосомъ,— ты этимъ не поможешь; если мнѣ суждено погибнуть отъ злодѣйскихъ рукъ, безъ покаянія... какъ басурману... — Не можетъ быть, не можетъ быть, батюшка... ты не умрешь... — Отчего же, дочь, не можетъ быть? и Христосъ умеръ! молись... — Она отрывисто качнула головой и заплакала... Боже! какія слезы!

Не смотря на это, ихъ растащили; но вдругъ она вскрикнула и упала; отецъ кинулся къ ней, съ удивительной силой оттолкнулъ двухъ казаковъ, прижалъ руку къ ея сердцу... она была мертва, блѣдна, холодна, какъ сырая земля, на которой лежало ея молодое непопранное тѣло.

— Теперь пойдемте,—сказалъ старикъ. Его глаза заблестали мрачнымъ пламенемъ... онъ махнулъ рукой... ему надѣли на шею петлю, перекинули конецъ веревки черезъ толстый сукъ и... раздался громкій хохотъ, потомъ вдругъ молчаніе, молчаніе смерти...

Но, увы! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конецъ веревки, который взвился къ верху; мученикъ сорвался, ударился о-земь и нога его хрустнула; онъ застоналъ и повалился возлѣ трупа своей дочери. — Убийцы, — прохрипѣлъ онъ,—вотъ вамъ мое проклятіе, проклятіе! — Заткни ему горло, — сказалъ Орленко. Это

было сожалѣніе: два ножа въ минуту воткнулись въ горло старика и онъ умолкъ.

Когда казаки, захотѣвъ увѣриться въ его кончину, стали приподнимать его за руки, то замѣтили, что въ послѣднихъ судорогахъ онъ крѣпко ухватилъ ногу своей дочери, впился въ нее костяными пальцами, которые замерли на нѣжномъ тѣлѣ... О, это было ужасно... Они смѣялись.

Божественная, милая дѣвушка! и ты погибла, погибла безъ возврата... одинъ ударъ, и свѣжій цвѣтокъ склонилъ голову! Твое слабое сердце, какъ нить истлѣвшая — разорвалось... ни одно рыданье, ни одно слово мира и любви не уладило отлета души твоей, рѣзвой, чистой, какъ радужный мотылекъ, невинной, какъ первый вздохъ младенца; грозныя лица окружали твоє сырое смертное ложе, проклятіе было твоимъ надгробнымъ словомъ! какая будущность! какое прошедшее! и все въ одинъ мигъ разлетѣлось. Такъ иногда вечеромъ облака, дымныя, багряныя, лиловыя, гурьбой собираются на западѣ, свиваются въ столпы огненные, сплетаются въ фантастическіе хороводы, и замокъ съ башнями и зубцами, чудный какъ мечта поэта, растетъ на голубомъ пространствѣ... но дунулъ сѣверный вѣтеръ, и разлетѣлись облака, и упалаютъ росой на безчувственную землю... Миръ съ тобою, дѣва красоты, да ангель твой хранитель споетъ надъ твоимъ прахомъ пѣснь мира, любви и прощенья!

А между тѣмъ Вадимъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее и на старика такъ же равнодушно и любопытно, какъ бы мы смотрѣли на какой-нибудь физическій опытъ, онъ, что неумѣстное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вамъ.

Во-первыхъ, онъ хотѣлъ узнать, какое чувство волнуешь душу при видѣ такой казни, при видѣ самыхъ ужасныхъ мукъ человѣческихъ — и нашелъ, что душу ничего не волнуешь.

Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ узнать, до какой степени можетъ дойти непоколебимость человѣка — и нашелъ, что есть испытанія, которыхъ перенести никто не въ силахъ. Это ему подало надежду увидать слезы, раскаяніе Палицына — увидать его у ногъ своихъ, грызущаго землю въ бѣшенствѣ, пѣлющаго его руки отъ страха — надежда усадительная, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Ужъ было темно; огни догорали; толпа постепенно умолкала, и многіе ужъ спали беззаботно. Луна, всплывая на синее небо, освѣбрила струи выходящей рѣчки и туманную отдаленности; черныя облака медленно проходили мимо нея, какъ ночной сторожъ ходитъ взадъ и впередъ мимо пылающаго маяка.

Вадимъ сидѣлъ на своемъ прежнемъ мѣ-